

Несколько замечаний об экономике анархизма

Макс Неттлау

1930

Оглавление

I	3
II	8

I

Экономика анархизма может быть только экономикой всякого настоящего социализма, именно: добровольным и свободным от эгоизма сотрудничеством, в корне отличающимся от погони за прибылью и от всех форм принудительного труда, будь то труд под гнетом нищеты. Авторитарное понимание социализма включает идею административного, правительственного аппарата наряду с техническим аппаратом, необходимым для производства и распределения; либертарные же взгляды отвергают такие построения, как тиранические, как помеху для развития и, растрату сил, и признают только практические формы прямого сотрудничества, потребные для прогрессирующей и гармонической общественной жизни.

В этих пределах мир сотрудничества, отделившийся от, старого и нового мира господства и принуждения, отделившийся также от пытающегося закрепиться гибридного мира, мира смешанных форм сотрудничества и принуждения, от попыток авторитарного социализма, — этот мир сотрудничества создает множество разнообразных экономических организаций, зависящих от степени способности групп людей и отдельных лиц, от интенсивности и производительности их труда, а также от неисчислимого, разнообразия практических условий труда и распределения продуктов труда. Разумеется, повсюду существуют минимальные, максимальные и переходные степени. Поэтому в том, что мы называем добровольным и свободным от эгоизма, — в опыте, приобретенном в деле организации всяких видов совместной работы, в возможностях и трудностях, связанных с каждой отдельной задачей, не говоря уже о благоприятных или неблагоприятных влияниях местных условий на одинаковые задачи и пр., — также существуют эти степени и различия. Достаточно взглянуть на широкую дифференциацию труда в современном обществе на всем земном шаре и вспомнить, что свободное общество не пожелает потерять ни одной доли современной производительности и разнообразия производства и что оно освобождает труд от принуждения, однообразия и прочих зол, что в большинстве случаев оно справится с этим злом путем децентрализации, дифференциации, приспособления к местным условиям и пр., — следовательно, такими путями и средствами, которые приведут к еще большему разнообразию, основанному на опыте и тщательном изучении деталей.

Эти взгляды отличаются от взглядов тех, кто приписывает будущему обществу характер дополнительной примитивности. Эта мысль, порожденная благими намерениями, но возникшая из ригористских, даже пуританских настроений, из психологической склонности к упрощениям и к механическим построениям, все еще, на мой взгляд, представляет собой опасность для социалистических достижений, ибо она неизбежно связывает социализм с понижением достигнутого уровня жизни, привычек и обычаев, с жертвою и с самоотречением, если не с аскетизмом. Это черты и чувства, уместные в преданном своим идеям пропагандисте, но слишком далекие от человечества в целом, которое, в его огромном большинстве, заинтересовано в непосредственном улучшении своего положения.

Не опыт, связанный с риском и жертвами, а надежда на быстрое улучшение условий жизни вызовет когда-нибудь волнения в человечестве и заставит его осуществить или, по крайней мере, с большей или меньшей степенью готовности принять ко-

ренной социальный переворот. Иначе большинство человечества давно уже было бы с нами, ибо в наше время никто не может оправдываться незнанием целей и усилий социалистов и анархистов во всем мире. Каждый шаг прогресса намечается, осуществляется и возвещается, — по большей части, с большими затратами и жертвами, — множеством идейных, талантливых и бескорыстных людей. Однако, широкие массы только тогда начинают интересоваться прогрессом, когда он преподносится им в практической, осязаемой форме, становится доступным их пониманию и задевает их интересы. Полстолетия изысканий в области электричества не привлекло к себе общего внимания, но телеграф, телефон, электрическое освещение такого внимания удостоились в небывалых размерах. Точно также, теоретический, эмоциональный, бунтарский социализм всегда был ограничен узкими пределами, но осязаемая форма социализма, когда она будет найдена, поднимет массы и двинет их вперед.

Это психологически неизбежно. Большинство медлительно, серо, инертно; меньшинство — подвижно, сообразительно, энергично. Естественно, что с инициативой всегда выступает меньшинство, а большинство следует за ним медленно, притом лишь тогда, когда все кажется вполне безопасным, практичным и представляет некоторые выгоды для масс. Бесполезно пытаться обойти эти естественные явления путем усердного провозглашения и невозмутимого утверждения принципа классового чувства, классового интереса, как механического, автоматического фактора, долженствующего внушить массам соответствующие настроения, заставить их действовать единообразно и с той исключительной силой, какую дает обычно сознание солидарности интересов. Заботливо, с бесконечным терпением рабочих организовывали в профессиональные союзы десятками миллионов, не говоря уже о не менее многочисленных организациях социалистических избирателей. И, однако, рабочий класс в целом никогда не выступает солидарно, — даже в многочисленных ежедневных битвах труда выступают, по большей части, только небольшие группы, более или менее изолированные, лишь в виде исключения получившие поддержку в национальном или интернациональном масштабе.

Если бы классовое чувство действительно существовало и могло бы возбуждаться в значительной степени, тогда самый маленький конфликт труда автоматически привлекал бы поддержку всего рабочего класса в целом и в большинстве случаев выходил бы победителем, но ведь все мы знаем, как далеко мы от такого положения вещей, как трудно привлечь внимание и добиться поддержки рабочих даже в случаях самой вопиющей несправедливости, как часто мир труда, будучи всемогущей силой, от которой зависит прогресс или остановка общественного развития, воздерживался от произнесения освобождающего слова во время ужасных процессов Муни, Центральной, Сакко и Ванцетти, Рикардо Флореса Магона, Гастонских ткачей и много других. Так было везде.

Следовательно, влияние классового чувства среди рабочих весьма слабо, а класс капиталистов также делится на множество разрядов хищников меньшего и большего размера: то дружественных, то враждебных друг другу, то вступающих друг с другом в союз, то предающих друг друга. Простая инстинктивная ненависть к хозяину со стороны рабочего и мысль об этой ненависти в уме эксплуататора коренятся глубоко и, конечно, неустранимы, но на практике они отступают на задний план перед

многочисленными противоречивыми чувствами описанного выше порядка, которые мешают проявлению настоящей классовой солидарности, за исключением редких случаев. Поэтому мы должны строить на более прочном основании, раз мы не можем устранить эти противоречивые чувства, — что было бы поистине сверхчеловеческой задачей, ибо они образуют самую сущность жизни народа, и мы не можем изменить существенные факторы такого рода во многих миллионах случаев.

Из этих упрямых фактов мы можем заключить, что где бы ни возникли общий кризис, вспышка негодования и т.п., когда бы эти и другие факторы ни разрушали современный социальный строй, они откроют широкое поле для подлинных социалистических достижений, и многообразие и разнообразие будут преобладать во всем, а существующие платформы, тенденции, личности, сеть организаций и другие существующие образования должны будут проявить большую приспособляемость к расширенным и углубленным переменам, большую практичность, свободу от предрассудков и дух прогресса, если им суждено быть двигателями прогресса, а не выродиться рано или поздно в препятствия для прогресса. Во всех серьезных революциях прошлого мы видим, что инициаторы, первые группы деятелей, отменяются очень быстро в сторону и что кровавые кризисы возникают, как только эти деятели начинают тянуться к власти и считать своей привилегией или своим долгом направлять или задерживать вырвавшийся на свободу поток. Она никогда не добивается успеха, эта первая группа, но последующие группы рано или поздно останавливают революцию, и тогда поток спадает, и революция остановленная на полпути, ослабевает: ее многообразные течения, насильственно сведенные к единому официальному течению становятся застойными и уходят в подпочву. Эта величайшая опасность для революции должно быть избегнута во что бы то ни стало, а это может быть достигнуто лишь в том случае, если единообразные решения, достигаемые лишь с помощью навязывания, если не голой силой, будут устранены, и каждой тенденции, если она не контрреволюционна, будет дана возможность свободного развития: тогда возникнет естественное разнообразие, каждый вид которого будет дорог его приверженцам, — подлинно свободное от оков разнообразие, — следовательно, подлинно свободная жизнь во всех ее многочисленных видах. Только такое разнообразие достаточно сильно, что бы противостоять всем попыткам установить однообразие. Такие попытки могли бы быть только диктаторскими по мысли и по исполнению и встретили бы сопротивление со стороны всех, кто ценит возможность свободного развития.

Итак, в экономике, в производстве и распределении, высшим идеалом было бы, чтобы все принадлежало всем и чтобы каждый содействовал производству в размере, какой он сам считает правильным и справедливым. Мы находим, что такое положение вещей очень часто встречается теперь и в минувшие времена среди очень дружных семейств, в отношениях между матерью и ребенком, между влюбленными, в некоторой степени даже между друзьями и добрыми соседями, иногда — внутри солидарных групп или, в моменты бедствий, среди пострадавших, переживающих одинаковые опасности и лишения. Но мы видим, до какой степени такая неограниченная солидарность зависит от личных качеств людей и как легко внешние факторы могут ослабить, даже подорвать ее. Такое настроение всегда было неустойчиво, и представить его себе широко распространенным — в качестве наиболее полного

коммунистического анархизма — легко для нашей логической мысли и для нашей сентиментальной фантазии, но трудно для нашего практического понимания, если только не рассматривать его в качестве возможного и очень желательного состояния по завершении довольно продолжительной эволюции, ведущей человечество прочь от власти и себялюбия (навязанных большинству людей в силу самосохранения при существующей системе конкуренции) к высшим и, в конце, к высочайшим формам взаимной человеческой солидарности.

Заранее предположить такую полную солидарность, то есть, способность, желание и готовность придерживаться ее, даже ценой самопожертвования, в самый момент революционной социальной победы, значит говорить о факте, который не может быть проверен, или же играть словами. Ибо если бы эти добродетели уже сейчас были присущи человеку, то не было бы необходимости в революции, и коммунистический анархизм существовал бы уже теперь — а ведь это не так. Или ждать, пока пропаганда сделает эти настроения всеобщими? Тогда понадобился бы очень длинный ряд веков пропаганды, и все, что случилось бы за это долгое время, было бы для нас безразлично — безнадежное ожидание, отрывающее нас от подлинной жизни, от всех грядущих событий вокруг нас. Так простой здравый смысл приводит нас к утверждению, что если такая безусловная солидарность уже существует в узких областях (напр., между матерью и ребенком), если она теоретически исключается (а иногда применяется) многими анархистами, то ее область несомненно расширится после революции, которая освободит так много спящих ныне сил и устранил так много препятствий, и надо надеяться, что при новых, благоприятных условиях соблюдение полной солидарности будет постоянно расширяться. Таким образом, после некоторого периода успешной практики, мы можем надеяться, что солидарность будет расти не по дням, а по часам и вытеснит все менее развитые формы солидарности и сотрудничества. Мы можем, в конце концов, предположить, что полная солидарность станет всеобщей, хотя это только простая гипотеза, ибо мы с таким же успехом можем предположить, что другие формы сотрудничества также будут подвергаться постоянным улучшениям и, следовательно, никогда не будут ощущаться, как менее совершенные или вредные и отжившие формы.

Первые шаги к этому осуществлению коммунистического анархизма или другой разновидности анархизма, его мютюалистской или коллективистской формы, или других сочетаний, не могут быть предвидены или подготовлены заранее, ибо никто не может предвидеть время решительного социального кризиса, следовательно, и степень распространения, успешности и подготовленности, как анархического, так и других социалистических движений в этот неизвестный момент. Экономические кризисы, недовольство, войны, внезапное возмущение и помогут ускорить вспышки, а многие другие факторы могут придать им неожиданные размеры, но могут и не оказать такого влияния, а отдельные движения в такой момент могут оказаться подготовленными или неподготовленными, могут иметь способных людей, налаженную организацию, пользоваться популярностью, отличаться духом инициативы и пр. в большей или меньшей степени и, следовательно, их вес будет меньше или больше — кто может предвидеть это? Кроме того, при данном положении вещей, несколько партий будут бороться за власть и мешать друг другу или вступать в соглашения с другими партиями. Кто может сказать, будут ли ошибки, сделанные в

России в 1917–18 годах, повторены или избегнуты или какие новые ошибки могут быть сделаны? Все это темно для нас, и мы можем только сказать, что или все партии должны стать прямодушными, взаимно лояльными. отказаться от честолюбия и от борьбы за преобладание над другими, — а мы не видим даже зародыша такой здоровой эволюции, — или они должны, после общей социальной победы, быть готовыми к возникновению внутренних междоусобиц среди социалистов с тем, что хаос приведет к диктатуре победителя, победившего не в силу его более высоких социалистических качеств, а в силу превосходства его боевых качеств, его грубости, хитрости и жестокости, ведущих к государству и к уничтожению побежденного.

Если это опять случится, анархизм переживет новую неудачу, и его экономические взгляды останутся неиспытанными построениями в книгах и брошюрах, в лекциях и газетах. Анархизм не является количественно сильнейшей формой социализма, и не заметно, чтобы он становился такой формой, да и нельзя этого ждать, ибо анархизм является, бесспорно, наиболее полной, совершенной и законченной формой социализма, а совершенные организмы дольше развиваются и, в начале, менее многочисленны, чем более простые формы. Поэтому для этих рудиментарных и гибридных форм, для авторитарного социализма, естественным является требовать для себя монополии, задерживать и подавлять развитие более совершенных форм. Менее естественно было бы ожидать, что более совершенные формы вдруг станут универсальными и что они владеют средствами и способами для этого.

Каковы могли бы быть эти средства и способы? Конечно, не сила и не принуждение, ибо анархистам не нужны рабы. Только убеждающая сила предметного урока, пример и интеллектуальное и эмоциональное убеждение путем доводов и воздействия на чувства. Только эти средства пригодны. Они требуют времени, усилий и возможности пользоваться ими вполне спокойно и без помехи. Ничто другое не является столь желательным и не дает стольких Надежд на успех. Но это предполагает и относительное желание слушать, мирные условия, отсутствие фанатизма и, как при всяком обучении, результаты будут неодинаковые: одни слушатели будут медленно понимать, другие останутся необузданными. Даже в лучшем случае, постижение анархизма, воля к анархизму не могут быть распространены и стать всеобщими в раннем периоде свободного общества, в ближайшее время после победы социальной революции.

Итак, каким бы совершенством ни отличался экономический строй анархизма, предвиденный лучшими анархическими мыслителями, наша задача никоим образом не исчерпывается распространением и толкованием наших идей в убеждении, что, когда придет час торжества над старыми системами, нам остается лишь превратить наши теперешние слова в дела. Мы будем не одни в тот час, против нас будут многочисленные и более или менее враждебно настроенные социалисты других школ, массы дотоле равнодушных или враждебных людей, которым будут мало известны или вовсе неизвестны самые элементарные понятия о возрожденной социальной жизни, против нас будут и наиболее лукавые враги, сторонники старого режима и сторонники новой диктатуры — их собственной. Мы растерялись бы, как дети в лесу, если бы оказались подготовленными к этому положению только нашими надеждами на совершенную анархию с описаниями ее у наших мыслителей и пророков. Нам пришлось бы или выступить против подавляющих враждебных

сил и быть раздавленными — подвергнуться обстрелу из орудий, как подвергались этому московские анархисты в апреле 1918 г. в их борьбе с большевиками, или стоять в стороне в качестве простых критиков, пока нам не закроют рты — тюрьмами и ссылками, или дать себя ослепить и загипнотизировать и вступить в сотрудничество с нашими врагами, как это сделали так называемые анархо-большевики; тогда было бы слишком поздно для изучения, как это испытал на себе Кропоткин, когда его предложение об изучении федеративных форм организации было признано несвоевременным, и сам он был удален из Москвы в Дмитров.

Таким образом, чистая экономика, как бы она ни была совершенна, нисколько не поможет, если мы не найдем точку опоры для Архимедова рычага и не начнем с изучения устройства экономического строя, его путей и средств.

После социальной революции, как это показал русский опыт, нельзя начертать путь нового общества на чистом листе бумаги. Тогда происходит столкновение враждующих сил, встречающих противодействие многочисленных контрреволюционных сил и сгибающихся под огромной тяжестью равнодушия, невежества, инертности, личной заинтересованности и трусости широких масс народа.

Мы должны, следовательно, ковать наше экономическое оружие для этого трудного времени, предшествующего славному часу настоящей и окончательной победы, когда мы сможем снять доспехи и наслаждаться жизнью в полнейшей свободе и солидарности, к которой мы стремимся. Этот предмет требует специального рассмотрения.

II

Ранние авторы утопий, иногда тесно связанные с политической и социальной борьбой своего времени, в других случаях вдохновляемые личными чувствами и стремлением к высокому идеалу, всегда лишены средств и надежды на осуществление их мечты, описывали эту мечту, как художники рисуют человеческие формы или пейзажи идеальной красоты. Шаг к реализму был сделан тогда, когда писатели семнадцатого века стали делать наброски воображаемых кооперативных учреждений благотворительного, а иногда и социалистического характера — первый толчок к экспериментальному социализму. Прямые попытки социального восстания, вдохновляемые пламенной надеждой или возмущением в шестнадцатом и семнадцатом столетиях, от анабаптистов Мюнстера, от восставших крестьян во главе с Томасом Мюнцером, до английских диггеров, во главе с Уинстенли, были предшественниками социальной революции.

Французская Революция показала, что массы пробудились и пришли в действие. Стала нарастать возможность глубоких социальных и политических перемен, ранее считавшихся лишь гадательными. Я говорю: гадательными, ибо эти перемены, результат коллективной власти (предполагаемая воля избирателей) были лишь результатами воли законодательных собраний, то есть волей вождей и комитетов, основанной на воле клубов и секций, но постепенно освобождавшейся от подчинения им и становившейся волей Бонапарта, ставшего императором Наполеоном. Так

все, что навязывалось массе, становилось потом деспотической волей немногих и, наконец, волей одного лица.

Такое положение вещей привело к тому, что изолированные и бессильные ранее социалисты и бунтари стали горячо желать связи между их идеалами и широкой общественной жизнью, связи, если возможно, с борьбой масс. Но это стремление влияло на их умы различно, в соответствии с различием их склонностей и опыта. Уильям Годвин изложил свои взгляды на свободнейшую социальную анархию, но первые годы Французской революции и зрелище вызванных ею симпатий в британском революционном движении заставили его придти к выводу, что такой анархизм может осуществиться лишь после того, как путем воспитания и мирными средствами удастся распространить правильное понимание его.

Роберт Оуэн создал лучшие условия жизни для небольшого числа рабочих под своим руководством. Его предложения об организации коммун в национальном и мировом масштабе всегда имели основой добровольное сотрудничество и другие добровольно принятые формы и мероприятия. Фурье придерживался той же линии добровольного экспериментаторства, веря в силу примера, и его вера, не была лишена психологического основания, как мы это теперь видим на примерах быстрого распространения практических изобретений, удобных мод, идейных течений и пр. В дни Фурье этот метод был еще мало развит, но если бы он и Оуэн имели больше сторонников, многое могло бы быть достигнуто. Вышло же так, что капиталисты раньше использовали этот метод, и он выродился в искусство рекламы и в способ обработки народной психологии согласно интересам эксплуататоров. Умы эксплуатируемых начинают предвещать предвещаниями, и привлечь их внимание становится почти невозможным. Добровольный социализм, отвергнутый таким образом с самого начала, всегда встречал к себе пренебрежение даже со стороны социалистов, но и при всем этом он не исчез и является одной из наших величайших опор для будущего.

Головокружительные события и авторитарные действия Французской Революции и Империи в 1789–1815 г.г., демократический абсолютизм, занимающий место королевского абсолютизма и затем сам вытесненный императорской диктатурой, окрасили в один и тот же цвет авторитарности и народный и интеллигентский социализм, возникавший в те времена и в последующие годы. Бабеф и Буонаротти, борцы за авторитарнейшую республиканскую демократию, сумели создать лишь не менее авторитарный народный социализм или коммунизм.

Мировым идеям французской империи и Северо-Американских Соединенных Штатов, нарождающемуся интернациональному индустриализму и мировой торговле, порожденной сказочным развитием народного транспорта (пароходы, железные дороги), соответствовали не менее широкие идеи Сен-Симона, его социализм, построенный на иерархии гения и таланта, контовское правление мудрейших, как в Республике Платона, тщательно регламентированный коммунизм «Икарии» Кабэ, государственный коммунизм Луи Блана и др. в то время, как Бланки усилил в бабувистком коммунизме дух диктатуры.

В период 1815–1848 г.г., по окончании продолжительной эпохи войн, социальный кризис, распространение машин, агитация на почве борьбы за конституцию и другие факторы выдвинули вперед три элемента: профессиональные организации рабочих в их борьбе с убийственной фабричной системой; затем массы, выступав-

шие в качестве демократических избирателей или борющиеся за избирательное право (чартисты, французские демократы и др.) и стремления рабочих к организации (кооперация в Англии, ассоциационный социализм Пекера и др. во Франции и т.д.). Последнее течение, хотя и примыкающее к добровольному социализму и отчасти вытекающее из него (Роберт Оуэн, Вильям Томпсон и др.) еще не было тогда достаточно развито и до сего дня еще не вполне развернулось диктаторских партий, которые будут по-прежнему держать в своей власти другие территории и пр., но вынуждены будут поддерживать мир между всеми, тогда вопрос об основных началах экономики станет серьезным вопросом для анархизма. Я постараюсь обсудить его здесь вкратце.

С этой территории — или, если сторонники авторитарного начала и свободные люди будут жить вместе, то из области, занятой этими свободными людьми, — монополия, притеснение и насилие «будут изгнаны, а все человеческие стремления незахватнического характера будут поощряться. Каждая группа, желающая жить вместе, будет наделена соответствующим количеством земли, средствами производства и общественными продуктами для личного потребления, и она будет жить на свой лад. Здесь, таким образом, анархисты, организовав производство, распределение и всю свою общественную жизнь практически, могли бы наслаждаться свободной жизнью и привлекать других в свои ряды, в силу того приятного впечатления, которое будет производить их гармоничная жизнь. Начнут ли все они сразу со свободнейшего экономического коммунизма, по настоящему и по-хорошему, — это будет зависеть от них.

Если им заблагорассудится испробовать сначала другие экономические формы, вне анархизма, — и так хорошо.

Они сделают свой выбор на опыте, в зависимости от результатов, а не подталкиваемые тем, что мы, их безвестные предки, говорили или писали в 1880 или в 1930 г.г. Прочие формы сотрудничества будут практиковаться другими людьми, и анархисты смогут оставлять ряды своих товарищей, если их будут привлекать эти другие формы жизни. Заранее высказаться точнее невозможно, если мы не хотим пуститься в романтику, но можно добавить следующее: когда производство освободится из-под ярма гонящихся за прибылью монополистов, и труд станет здоровым упражнением, доставляющим духовное наслаждение тем, кто выберет себе особое занятие и будет выполнять свою задачу хорошо и умело, — тогда труд перестанет быть монотонным и угнетающим дух, разрушающим тело злом, каким он в большинстве случаев является теперь, — тогда весь технический опыт и ум человека будут направлены к тому, чтобы сделать труд более производительным и интересным, легким, разнообразным и здоровым. Такое сочетание условий будет достижимо повсюду, где техническое умение и гений будут стремиться к достижению их, тогда как в настоящее время они, к большому сожалению, позволяют направлять себя на ложные пути, к пользе для капиталистов и ко вреду для рабочих.

На таких началах могли бы быть подвергнуты испытанию и другие стороны анархического строя, видоизменяя его по указанию опыта и распространяя его на новые слои сочувствующих, пока они не станут общепринятыми. Перед народом оказалось бы тогда столько строительной работы, а среди анархистов столько добрых чувств, объединяющих их против сторонников авторитета, все еще представляющих собой

опасность, что спорные вопросы могли бы разрешаться самым практическим способом, какой когда-либо применялся к разрешению споров: нейтрализация или отсрочка, если не полное забвение, амнистия.

Не каждое учреждение, отдел производства или общественная служба могут поручаться единичным участникам, и было бы нелепо создавать такие организмы каждому для себя в малом масштабе. Все это будет нейтрализоваться, будет доступно для всех, а управляться сообща, как беспартийное дело. Все эти методы создают психологию общности и солидарности, добрососедские чувства, существовавшие во все времена, но подрывавшиеся столкновением противоположных интересов, взаимным недоверием, партийным фанатизмом и всеобщим нервным напряжением.

Я убежден, что никаким другим способом нельзя даже приступить к осуществлению анархизма. Жизнь слишком сложна и не может быть уложена в какую-нибудь систему, не может быть распутана даже анархизмом, если он будет идти путем догмы. Только сочетание либерального и либертарного духа и энергии человечества может заложить основу новой жизни, и тогда анархизму предстоит показать себя. Прежде всего, высшие интересы человечества должны быть защищены от эксплуататоров кровопийц и паразитов, в наши дни со все растущим бесстыдством и жадностью обращающихся с землей, ее продуктами и обитателями. Авторитарный социализм не противодействуя этому, ибо он только старается установить подобную ж тиранию и эксплуатацию силами своего собственного правящего класса, правящей бюрократии социалистического государства. Как я уже сказал, свободные элементы человечества должны объединиться, иначе нет выхода из нас, стоящего или будущего рабства.

Рабство никогда не бывает привлекательно, и все таки люди идут к нему, и оно убивает их способности и заглушает их. Поэтому социализм на долгие годы лишен интеллектуальной привлекательности для людей и не действует на их воображение. Они чувствуют, что социализм понижает даже их нынешний уровень жизни, и они никогда не будут расположены к нему, хотя, может быть, и подчинятся ему, как неизбежности.

Совершенно противоположным будет сознательное утверждение свободы, которое я предлагав, с открытым и широким анархизмом, в качестве ее прекраснейшего цветка. Не примитивность и понижение уровня жизни, а свобода утверждать себя и развиваться. Современный человек будет подниматься в этом направлении или вернется к старым цепям, если перед ним не будет светоча свободы, сияющего всем блеском, какой могут дать ему только соединенные усилия всех либеральных моментов, если они пожелают.

Я не мог не вернуться здесь к этим предложениям, уже высказанным в моей предыдущей статье. Экономические основы анархизма — реальность для меня, когда я вижу поле для их приложения. При настоящем положении вещей, я не вижу другого способа, кроме указанного выше. Для меня это не выход из отчаянного положения, а наоборот: я убежден, что так надо было говорить и действовать и сто лет назад. Вера в свободу была тогда, быть может, глубже, чем теперь, относительно в более привлекательном виде. Но, вне сомнения, надо было пройти через тяжкий опыт: обычный социализм совершенно разъеден авторитарной заразой, но теперь — то и время писать об этом старом долге и вновь начать дело на более здоровых началах.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Макс Неттлау
Несколько замечаний об экономике анархизма
1930

Сохранено 25 ноября 2012 года из flibusta.net
Опубликовано в сборнике «Очерки по истории анархических идей», Детройт, 1951

ru.theanarchistlibrary.org